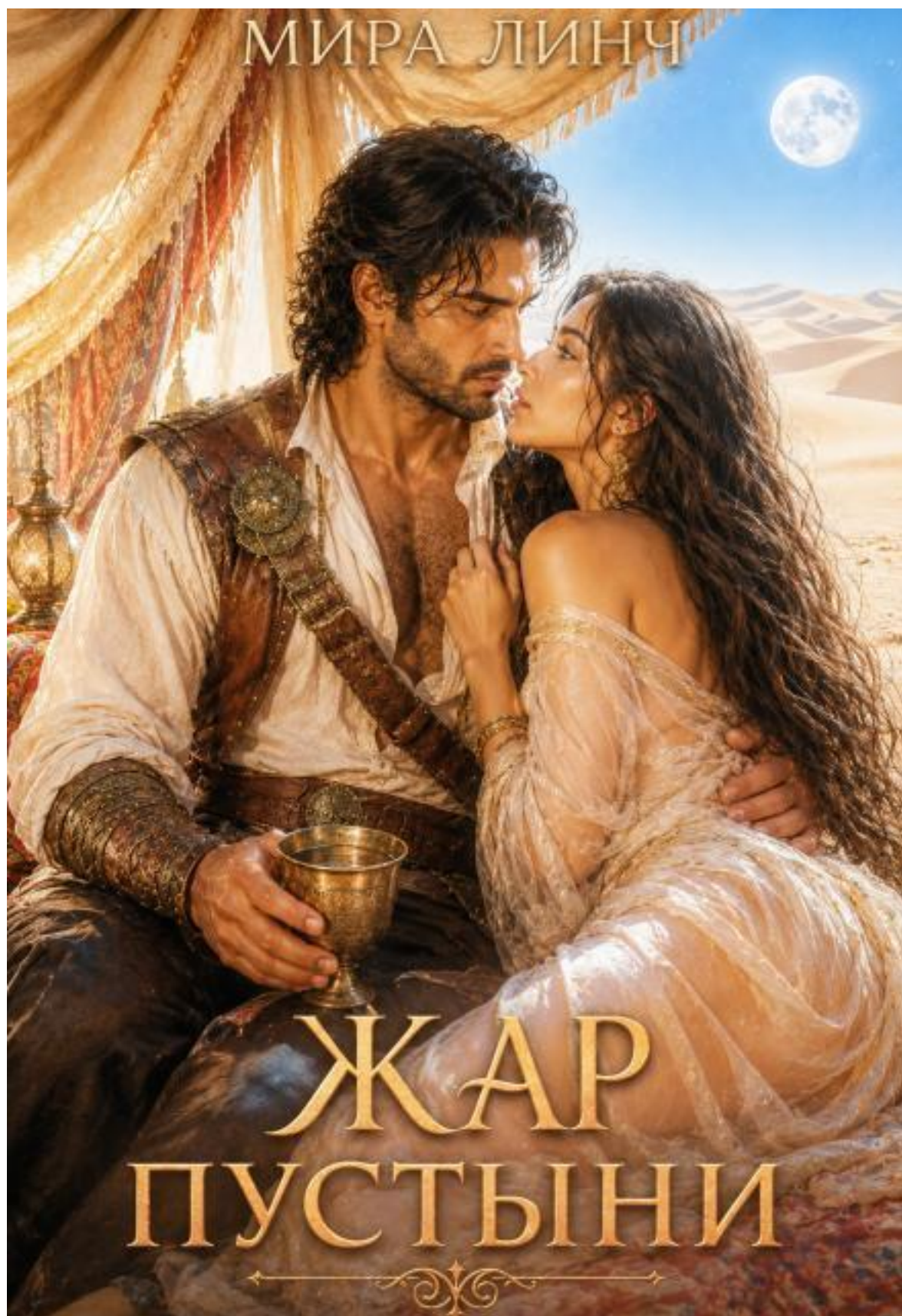

МИРА ЛИНЧ

ЖАР ПУСТЫНИ

Мира Линч
Жар пустыни

«Литнет»

2026

Линч М.

Жар пустыни / М. Линч — «Литнет», 2026

Она — дочь торговца, проданная в гарем султана как живой товар. Он — жестокий военачальник, которому поручено охранять её до дня свадьбы. В пустыне, где днём воздух плавится, а ночью холод пронзает до костей, они остаются вдвоём в тесном шатре. Она ждёт насилия, но он не прикасается к ней. Лишь протягивает кубок с водой и молча смотрит на звёзды. А когда луна встаёт над дюнами, его глаза говорят больше, чем любые слова. «Ты не рабыня, — шепчет он. — Ты — моя пустыня, и я хочу утонуть в тебе». Так начинается страсть, которая сильнее песков времени. Между ними — пропасть положений, страх и желание, которое невозможно подавить. Но сможет ли воин подарить свободу той, кого должен отдать другому? И что окажется сильнее — долг или любовь, способная сжечь дотла?

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Караван судьбы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пролог

Пролог

Пустыня не прощает слабости. Она выжигает ложь, сдирает кожу с притворства, оставляет лишь кости правды. Я узнала это в тот самый миг, когда полог шатра распахнулся и в лицо ударил ветер, пахнувший верблюжьим потом и сухим песком. Меня зовут Лейла, и до вчерашнего дня я была дочерью купца из Багдада — своенравной, избалованной, уверенной, что отец никогда не продаст меня, как мешок фиников. Я помню его глаза, когда он смотрел на меня в последний раз — в них не было ни слез, ни сожаления, только холодный расчёт, будто он оценивал товар на базаре. Долги душили его, как удавка, и моя красота стала его последней монетой. Торг был коротким: султанский посланник бросил на стол кошель с золотом, даже не взвесив его, и отец кивнул, будто продавал ковёр. Я закричала, умоляла, царапала ему лицо, но меня уже хватали за руки грубые стражники, затягивали верёвки на запястьях так туго, что они впивались в кожу. Так я стала товаром, отмеченным печатью султана, пленницей, которую везут в гарем через Великую Пустыню, где днём воздух плавится, а ночью холод пробирает до костей. Я потеряла счёт времени, но каждый удар копыт отдавался в моей груди похоронным звоном.

Моим стражем назначили Искандера — военачальника с лицом, высеченным из тёмного камня, и глазами, в которых не читалось ни жалости, ни страсти. Он был молчалив, груб, и каждое его движение говорило о том, что он привык повелевать, а не просить. Я ненавидела его с первого взгляда — за то, что он смотрел на меня как на вещь, за то, что его руки, сжимающие поводья, были сильнее моих молитв. Но в глубине души, там, где я боялась признаться даже себе, я чувствовала странный трепет — будто песок под ногами начинал вибрировать от его приближения. Он не говорил со мной, не смотрел в глаза, но я ощущала его присутствие, как ощущают приближение бури — по сухости воздуха, по напряжению мышц, по тому, как звери затихают перед ним. Иногда, когда караван останавливался на привал, я краем глаза видела, как он поправляет седло, как перебирает стрелы, как чистит свой длинный ятаган, и в этих движениях была такая сосредоточенность, такая дикая грация, что у меня перехватывало дыхание. Я боялась этого чувства больше, чем самой пустыни, потому что оно лишало меня воли, делало меня уязвимой. А в пустыне уязвимость — смертельный грех, хуже, чем голод или жажда.

Глава первая. Караван судьбы

Глава первая. Караван судьбы

Караван двигался медленно, как сонная змея, извиваясь между барханами. Верблюды раскачивались в такт шагам, их колокольчики издавали унылый, металлический звон, смешиваясь с шепотом ветра. Я сидела в паланкине, обитом парчой, которая уже выцвела от солнца, и смотрела на бескрайнее море дюн, тонущее в мареве. Жара была невыносимой — она проникала сквозь ткань, обжигала лёгкие, заставляла кожу покрываться липкой испариной. Каждый выдох отдавал горечью, и я пила воду маленькими глотками из кожаной фляги, но она не утоляла жажду, она лишь разжигала её, как масло в огне. Я думала о своём доме, о прохладных комнатах с фонтанами, о запахе роз и мирры, о шепоте служанок в банях, но эти мысли ускользали, таяли, как миражи, оставляя после себя только сухой песок и звон колокольчиков. Вспоминала мать, которая умерла, когда мне было семь, и её руки, такие тёплые и мягкие, когда она гладила меня по голове и пела колыбельные о звёздах. Теперь этих рук нет, и нет никого, кто бы защитил меня от этого бесконечного жёлтого ада.

Искандер ехал рядом — на вороном жеребце, который фыркал и косил глазом на моих верблюдов, будто ревнуя хозяина. Он почти не смотрел на меня, но я чувствовала его присутствие — тяжёлое, как камень на груди. Его спина была прямой, плечи широкими, и даже сквозь лёгкую льняную рубаху я видела игру мышц, когда он натягивал поводья или поворачивался, чтобы проверить, не отстал ли кто. Он был воплощением силы, и эта сила пугала меня — потому что я знала: в пустыне закон один — сильный берёт слабого. И я была слабой. Я не умела ни стрелять из лука, ни разводить огонь, ни находить воду под песком. Я умела лишь вышивать шелками, читать стихи и петь песни, которые никому не нужны в этом безжалостном краю. Но внутри меня жил огонь, который не могла погасить даже эта всепоглощающая жара — огонь гордости, который шептал: ты не рабыня, ты дочь свободных людей, и ты не сдашься без боя. И этот огонь, возможно, был единственным, что могло спасти меня, когда всё остальное рухнуло.

На третий день пути я впервые заговорила с ним, хотя до этого мы обменивались лишь взглядами и краткими приказами. Караван остановился у подножия высокой дюны, и я вышла из паланкина, чтобы размять ноги, которые затекли от долгого сидения. Песок обжигал ступни даже через тонкие кожаные туфли, и я чуть не упала, споткнувшись о корень высохшего кустарника, торчащего из песка, как кость. Искандер мгновенно оказался рядом, подхватил меня под локоть, и его пальцы сжали мою руку с такой силой, что я вскрикнула от боли и неожиданности.

— Осторожнее, — сказал он, и голос его был низким, с хрипотцой, будто он не пил несколько дней. — Здесь каждая яма может стать могилой. Песок скрывает трещины, которые уходят на глубину, и если ты упадёшь — никто не услышит твоего крика.

— Я не просила твоей помощи, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало от его близости.

— Ты не просила, но я дал её, — усмехнулся он, и в его усмешке не было насмешки, только усталая мудрость человека, который видел смерть слишком часто. — Такова моя доля — охранять тебя до последнего вздоха. Или до твоего, или до моего. Выбирай, но пока ты жива — ты под моей защитой.

Он отпустил меня, и я осталась стоять, чувствуя, как его прикосновение ещё горит на моей коже, оставляя след, который не смыть песком. Я смотрела ему вслед, и впервые задумалась о том, что он тоже не свободен — он такой же пленник приказов, как и я. Только его клетка — из долга и чести, а моя — из шёлка и золота. Может быть, мы не так уж и разные, и в этом сходстве кроется что-то большее, чем просто случайность.

На привале, когда солнце клонилось к закату и тени становились длинными, как языки пламени, он подошёл ко мне снова. Я сидела на нагретом камне, пытаюсь расчесать спутанные волосы деревянным гребнем, который дала мне одна из служанок, и его тень накрыла меня, как крыло хищной птицы. От него пахло конём, потом и ещё чем-то острым, пряным, напоминающим гвоздику и корицу одновременно. Я подняла голову и встретила его взгляд — тёмный, глубокий, как колодец, в котором тонут звёзды, и почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Ты не ела, — сказал он. Голос был низким, хриплым, будто он редко пользовался им для разговоров.

— Я не голодна, — ответила я, не поднимая глаз, потому что боялась выдать дрожь в голосе.

Он опустился на корточки передо мной, и я почувствовала его дыхание — горячее, сухое, с лёгким привкусом мяты, которую он, видимо, жевал для свежести. Его пальцы, грубые и мозолистые, покрытые шрамами от клинков, легли на мою руку, и я вздрогнула от неожиданности. Кожа его была шершавой, как наждак, но прикосновение было удивительно нежным, почти благоговейным.

— Ты дочь купца, но здесь ты — ничто, — сказал он, и в его голосе не было злобы, только констатация факта, которая резала глубже любого оскорбления. — Ты должна есть, чтобы не упасть в обморок. Иначе я не смогу доставить тебя живой. А я должен доставить тебя целой, иначе моя голова украсит стены султанского дворца, а моя семья будет проклята навеки.

Я вырвала руку, но он не рассердился. Он лишь протянул мне лепёшку и кусок вяленого мяса, а потом встал и ушёл, оставив меня наедине с закатом, который окрашивал небо в кроваво-оранжевые тона. Я смотрела на еду, и почему-то в горле застрял комок. Он не приказал, не принудил — он просто дал выбор. И этот жест был более жестоким, чем любой удар, потому что он разбудил во мне что-то, чему я не хотела давать имени — человечность, сострадание, и, возможно, даже уважение. Я съела лепёшку, хотя каждое движение челюсти отдавалось болью в сухом горле, и поняла, что отныне я не просто жертва. Я — участник этой игры, где ставки выше, чем жизнь или смерть, и где каждый ход может стать последним.

Ночь опустилась внезапно, как чёрный бархат, усыпанный бриллиантами звёзд, которые здесь казались крупнее и ярче, чем в городе. Холод проник в кости, и я дрожала под тонким одеялом, когда снова услышала его шаги — уверенные, тяжелые, но почему-то не вызывающие страха. Он появился у входа в мой маленький шатёр, и в руке его был медный кубок, который тускло блестел в свете масляной лампы, отбрасывая золотистые блики.

— Выпей, — сказал он, и его лицо осветила луна, делая черты ещё более резкими, почти звериными, но в глазах зажглась тёплая искра.

Я взяла кубок, и наши пальцы встретились. На мгновение мне показалось, что его рука дрогнула, но он быстро отдернул её, будто обжёгся. Вода была тёплой, но она обожгла горло, как вино, оставляя после себя странную сладость. Я пила, не отрывая от него взгляда, и видела, как его зрачки расширяются, как он сглатывает, глядя на мои губы, которые сжимали край кубка, как он переводит дыхание, будто сдерживает себя.

— Ты боишься меня? — спросил он вдруг, и его голос дрогнул на мгновение.

Я молчала, потому что правда была сложнее лжи. Я боялась его, но ещё больше я боялась того, что в этом страхе прорастает что-то тёплое, липкое, похожее на желание. Оно разрасталось в груди, как цветок, который пробивается сквозь трещины в камне, и я не могла его остановить.

— Да, — прошептала я наконец, и голос мой сорвался на хрип, который выдал все мои тайны.

Он криво улыбнулся — это было нечто среднее между усмешкой и болью. Его улыбка тронула только уголки губ, но глаза остались серьёзными, почти печальными.

— Не бойся. Я не трону тебя, пока ты сама не попросишь. Но запомни: когда ты попросишь, я возьму всё, что ты готова отдать, и ещё немного сверху. Я возьму твою душу, Лейла, и ты не узнаешь себя после этого. Ты станешь моей, но и я стану твоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.